

Отечественная история *National History*

DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-1-36-44
УДК 93/94

МАКАРЕНКО Мария Юрьевна
Кубанского госуниверситета
г. Краснодар, Россия
e-mail: makarenkom@inbox.ru

САВЧЕНКО Михаил Александрович
МКУ «Краснодарский научно-методический центр»
г. Краснодар, Россия
e-mail: mikhasavchenko@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВАЯ АДАПТАЦИЯ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ К ЖИЗНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ (1920–1930 гг.) (на примере эпизодов жизни генерала А.Г. Шкуро)

Аннотация: В статье представлены трудности повседневности и напряженность социально-бытовой адаптации казачьей эмиграции к жизни за границей. В качестве исследования персональной картины использованы эпизоды повседневной жизни одного из лидеров эмиграционного движения генерала А.Г. Шкуро. Показана напряженность в отношениях между ним и П.Н. Врангелем. Анализируется процесс репатриации. Часть казаков из числа эмигрантов вернулась в Россию. В феврале – апреле 1921 г. в г. Новороссийск и г. Одессу прибыло 4 тыс. репатриантов. Освещается деятельность войскового атамана В.Г. Науменко. Акцент сделан на сложном жизненном пути за рубежом генерала А.Г. Шкуро, которому пришлось пробовать себя в разных профессиях, наиболее успешно – в цирковом искусстве (джигитовка).

Показан путь, приведший его к трагическому концу. Фоном исследования представлена картина повседневной жизни казачьей эмиграции на о. Лемнос и в других странах. В конце статьи показано неоднозначное отношение общества к личности А.Г. Шкуро на современном этапе.

Ключевые слова: А.Г. Шкуро, П.Н. Врангель, эмиграция, о. Лемнос, казачество, кубанцы, донцы, цирковое искусство, станицы, войсковые атаманы, повседневная жизнь, маргинализация, союзники, строевая подготовка, репрессии, репатриация

Для цитирования: Макаренко М.Ю. Савченко М.А. Социально-бытовая адаптация казачьей эмиграции к жизни за границей 1920–1930 гг. (на примере эпизодов жизни генерала А.Г. Шкуро). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2020. Том. 12. № 1. с. 36-44.

doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-1-36-44.

M.Yu. MAKARENKO

Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: makarenkom@inbox.ru

M.A. SAVCHENKO

municipal government institution
"Krasnodar Scientific and Methodological Center"
Krasnodar, Russia
e-mail: mikhasavchenko@yandex.ru

**SOCIAL ADAPTATION OF THE COSSACK EMIGRATION
TO LIFE ABROAD (1920–1930)
(on the example of episodes of the life of General A.G. Shkuro)**

Annotation. The article presents the difficulties of everyday life and the tension of social adaptation of the Cossack emigration to life abroad. As a study of the personal picture, used episodes of the daily life of one of the leaders of the emigration movement, General A.G. Shkuro. The tension shown between him and P.N. Wrangel. Some of the emigrant Cossacks returned to Russia. In February - April 1921, 4 thousand immigrants arrived in Novorossiysk and Odessa. The activity of the military chieftain V.G. Naumenko was shown. The article focuses on the example of life abroad of General A.G. as an everyday life in exile. Shkuro, who had to try himself in different professions, the most successful of which was circus art (jigitovka).

The path leading to its tragic end is shown. The background of the study presents a picture of the daily life of Cossack emigration on about Lemnos island in other countries. At the end of the article, an ambiguous attitude to the personality of A.G. Shkuro at the present stage was shown.

Keywords: A.G. Shkuro, P.N. Wrangel, emigration, island Lemnos, Cossacks, Kuban, Don, circus art, villages, military chieftains, everyday life, marginalization, allies, drill, repression, repatriation

For citation: Makarenko M.Yu. Savchenko M.A. Social adaptation of the Cossack emigration to life abroad (1920–1930) (on the example of episodes of the life of General A.G. Shkuro). *Historical and Social- Educational Idea*. 2020. Vol. 12. No.1. PP. 36-44. doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-1-36-44. (In Russ., abstract in Eng.).

Цель предлагаемых материалов – показать социально-бытовую адаптацию казачьей эмиграции к жизни за границей. В качестве примера использованы эпизоды повседневной жизни одного из лидеров эмиграционного движения генерала А.Г. Шкуро. Эмиграция, по сути, уравнила казачье руководство и рядовых казаков. Жизнь А.Г. Шкуро – пример адаптации за пределами России, путь, который перенесли практически все эмигранты.

Гражданская война прошла через жизни населения Российской империи, в том числе казаков, разделяя живших десятилетиями хуторских соседей, зачастую семьи (ситуация описана в эпосе «Тихий Дон» М.А. Шолохова, где представлена трагическая разделенная судьба семьи Мелеховых (пара Дуняшка Мелехова и Михаил Кошевой, вечный оппонент братьев Мелеховых, и Петра, и Григория) и эпи-

зодически показаны аналогичные проблемы в соседских казачьих семьях. В некоторых казачьих регионах (то есть там, где значительный процент жителей составляли казаки) в местах постоянного места жительства осталось около 80% казаков [1]. Многие из них впоследствии выехали из страны, предпочитая жизнь в эмиграции; их мотивация была оправдана невозможностью пребывания в России в условиях проводившихся и ожидаемых репрессий, которые вскоре не заставили себя ждать. Пребывание в России становилось все более напряженным. В качестве повседневной жизни в эмиграции акцент сделан на примере жизни за рубежом генерала А.Г. Шкуро, которому пришлось пробовать себя в разных профессиях, наиболее успешно – в цирковом искусстве (джигитовка).

Численность казаков из числа выехавших россиян в отечественной историографии рассматривается по-разному. Согласно мнению Ю.К. Кириенко, численность эмигрировавших из России казаков оценивается в 80 тыс. [2]. В Европе обосновывались большей частью казаки из Кубанского, Донского, Терского, Астраханского казачьих войск. Основную массу казаков предоставила экспедиция из Крыма, проходившая 14–16 ноября 1920 г., когда полуостров покинули более 28,5 тыс. донцов, из которых 22 тыс. входили в состав армии П.Н. Врангеля: около 6,5 тыс. гражданских лиц и 16–18 тыс. кубанцев [3].

О.В. Ратушняк приходит к выводу, что в эмиграции оказалось примерно 16–18 тыс. кубанских казаков [4].

Бытовая и материальная повседневность статусно-гражданской неопределенностью эмиграции вошла в историческую память кубанского казачества как время вынужденной маргинализации, лишений и испытаний.

Прибыв в г. Константинополь, барон П.Н. Врангель заявляет, что необходимо обеспечить покинувших Крым людей всем необходимым (жильем, продуктами, медицинской помощью), для того чтобы сохранить боеспособность Русской армии, в дальнейшем переводя ее в славянские страны.

На о. Лемнос казаки не могли не чувствовать себя психологически как в тюрьме. Окруженный морем, казачий лагерь был оцеплен французскими часовыми, по нему невозможно было свободно передвигаться. Союзники выделили казакам палатки, по одной на 14 человек. Не только казаки, но и женщины и дети спали на голой земле, иногда – на жиденькой подстилке из травы. Донцы завидовали кубанцам, которые прибыли на о. Лемнос раньше и получили от союзников кровати и одеяла. Ежедневный продовольственный рацион был скуден. В конце января – начале февраля 1921 г. избранный за рубежом войсковой атаман В.Г. Науменко совершил инспекционную поездку на о. Лемнос. В своих дневниковых записях он отмечал: «Продовольствие выделяют примерно в сутки: консервов по 250–300 гр. на человека, хлеба по 500 гр., 150 гр. муки. Картошки по 750 гр., при том выдают небольшое количество сахара, соли и прочего» [5]. Воды не хватало. Добыть еду становится проблемой: ее не удастся достать даже за деньги.

Проведя на о. Лемнос шесть дней, войсковой атаман кубанского казачьего войска В.Г. Науменко дает оценку: «Взаимоотношения командного состава, офицеров и казаков неважные! Казаки офицерам не верят... Палаток мало. Пища ничего, но хлеба мало. Работы много – разгрузка, постройки дорог, уборка лагеря. Занятия понемногу облегчаются. Дисциплина поддерживается. Подготовка строевая хорошая. Медицинская помощь поставлена хорошо. Смертность уменьшилась. Умерло за все время 84 человека» [6]. Учитывая возрастную картину казаков от новорожденных до стариков, это действительно невысокий показатель.

Эмигранты переселись: 22 тыс. – в Сербию (в том числе два кадетских корпуса), 4 тыс. – в Болгарию, 2 тыс. – в Румынию и 2 тыс. – в Грецию. Казаки стреми-

лись разнообразить повседневность. Футбол становится одним из основных развлечений. Образовывалась и культурная жизнь. Атаман В.Г. Науменко отмечал: «Пошел на парадный спектакль во 2-ю дивизию. Ставили 2 пьески – играют недурно, затем пел хор песенников, и после его начались танцы» [6].

Поддержку продовольствием россиянам предоставляла Лига Наций, организация ARA (American Relief Administration), военное командование Франции.

Финансовую и материальную поддержку оказывала Сербия. Характерным эпизодом может служить ответ министра финансов Сербии представителям Советской России на их запрос о средствах содержания белых эмигрантов, что «русские содержатся за счет долга Сербии России и что будут содержаться и впредь» [6. Л. 17].

Благодаря агитационной работе примерно тысяча казаков эмигрировали в Бразилию, ориентируясь на работу на кофейных плантациях [7].

Французы, пользуясь ситуацией, предоставили запись в Иностраннный легион. Призывники должны были иметь хорошую физическую форму и рост не ниже 1,55 м. Эти мягкие требования увеличили количество желающих причислиться к казакам. В итоге поток желающих записаться в легионеры казаков и офицеров увеличился. Численность вступивших установить трудно, примерно более 1 тыс. человек.

Часть казаков вернулись в Россию. В феврале – апреле 1921 г. в Новороссийск и Одессу прибыло 4 тыс. репатриантов. Третья часть была тут же расстреляна, остальные помещены в концентрационный лагерь в районе г. Новороссийска, а затем отправлены на Север России или в г. Баку [8].

В мае 1921 г. начинается переселение казаков в Болгарию и Сербию. На первом этапе через Салоники и сербский пограничный пункт Гевгели 1 июля 1921 г. прибыли саперные полки Донского и Кубанского корпусов, вместе с полком Первого армейского корпуса, всего 4 тыс. воинов.

Вторым эшелонем 9 июля 1921 г. подошли части Кубанской казачьей дивизии, чины Генерального штаба и Гвардейский дивизион генерала П.Н. Врангеля, состоявший из 80 гвардейцев – донских казаков и по одному эскадрону кубанских и терских казаков.

До 1926 г. штаб Кубанской дивизии во главе с генерал-майором В.Э. Зборовским располагался в г. Вранье, позже – в г. Пожаревац.

Терские казаки остановились в Болгарии. В г. Ямболе обосновался Терско-Астраханский полк и Атаманское военное училище. В условиях неустойчивой повседневности необходимо было осваивать кустарные промыслы, которые приносили неплохой доход [9].

Как отмечает Г.О. Мациевский, адаптация казачества к жизни в эмиграции имела особенности в сравнении с положением общей массы переселенцев. Специфика военизированного и сельскохозяйственного уклада жизни казаков не могла быть полностью использованной в условиях жизни модернизированных западных стран. Эмигрантам трудно было приспособляться к стереотипам поведения, нормам повседневной жизни, традициям принимающей стороны. Казачество не стремилось раствориться в среде переселенцев, проживая в станицах, группируясь вокруг войсковых атаманов, имевших немалый авторитет [10].

В отличие от основной казачьей эмиграции, ушедшей на чужбину в ноябре 1920 г., генерал А.Г. Шкуро оказался за границей на полгода раньше, в мае 1920 г., после увольнения его из рядов Русской армии Верховным главнокомандующим П.Н. Врангелем из-за череды военных неудач и личного негативного отношения. Кубанские части передаются генералу Улагаю. За границей генерал А.Г. Шкуро

оказался в напряженной ситуации. П.Н. Врангель, учитывая их взаимную неприязнь, не поддерживал А.Г. Шкуро, поселившегося в Париже, где проживала его сестра. Необходимо было перестраиваться на мирные рельсы и как-то выживать, придерживаясь порядков принимающей стороны. На взятые займы деньги предприимчивый А.Г. Шкуро организовал труппу казаков-наездников, которая состояла из 250 человек, среди которых было 80 наездников, оркестр из 40 трубачей, 100 человек песенного хора и 20 танцоров.

А.Г. Шкуро агитировал рассеянных по Европе казаков присоединиться к труппе. Тренировки проходили в предместьях Парижа, в г. Монруже. В конце мая 1925 г. кубанские казаки впервые выступили на стадионе «Буффало», собравшем 20 тыс. зрителей. Духовой оркестр в красных черкесках, при белых бешметах и белых небольших папах вздымал душу всех бравурными русскими военными маршами.

Джигитовали месяц. Слава о джигитах А.Г. Шкуро распространилась по всей Франции. Однако после оглушительного успеха генерал А.Г. Шкуро был уволен хозяином и инвестором мероприятия. Это был болезненный удар судьбы. Ф.И. Елисеев впоследствии вспоминал: «Шкуро тогда жил бедно. Квартирка из двух маленьких комнат. Гамалий, Панасенко, Рябчун и я посетили его в знак признательности за несправедливость хозяина к нему. Его супруга тут же, на плите в одной из комнат, жарила нам печенку, как самое дешевое блюдо» [11].

Об этом трудном периоде жизни А.Г. Шкуро свидетельствует запись в дневнике одного из приближенных П.Н. Врангелю офицеров, генерал-майора А.А. фон Лампе, о встрече со Шкуро в г. Берлине в 1926 г.: «Бедняга Шкуро впал в полное ничтожество. Труппа его в г. Бреславле ликвидирована и частично попала в Дюссельдорф – в цирк, здесь он не может найти антрепризы, т.к. все сведения о труппе неблагополучны ... жить не на что настолько, что обедать нечего и в пансион не плочено. Я дал ему мелочи и две марки, и он немедленно побежал покупать папиросы, т.к. курил только одну сигару, купленную на пять пфенингов. Так проходит слава мира!» [12].

Большинство генералов в эмиграции никогда не считали А.Г. Шкуро себе равным. Чувствуя такое отношение, он не особо стремился к близкому общению с бывшими руководителями белой армии. Эмигрантская жизнь и сожаление об утраченных с поражением белых сил возможностях негативно сказывались на его восприятии жизни. Как-то в разговоре А.Г. Шкуро заметил: «Следовало бы пустить себе пулю в лоб в тот момент, когда он садился на пароход при эвакуации... В сущности говоря, он совершенно прав – того, что с ним было, т.е. что он, простой казачок, был командующим армией и Царем и Богом в своем районе – этого с ним, вероятно, никогда не повторится! Да и ему ли одному следовало сделать это?» [12. Л. 58.]. А.Г. Шкуро пытался найти себя в новой жизни в центре и на западе Европы. Основная часть кубанских казаков, оказавшихся в эмиграции, расселилась в странах Балканского полуострова. В декабре 1931 г. А.Г. Шкуро приехал в г. Белград с целью получить визы на нахождение в Югославии. К этому периоду относится его воззвание к кубанской казачьей эмиграции «Родина ждет нашей помощи», опубликованное в журнале «Кубанский казак». Потенциал письма был определен данными о массовых репрессиях, коллективизации и голоде на юге Советской России. Такие сведения, поступавшие из покинутой Родины, волновали казачью эмиграцию, вселяя надежду на низвержение Советской власти.

А.Г. Шкуро агитировал казаков сплотиться вокруг Кубанского войскового атамана генерал-майора В.Г. Науменко: «Будьте готовы по-настоящему, честно, по-казачьи, первыми пойти на зов Войскового атамана туда, куда вас призывают

честь и доблесть казачьи и святой долг перед родным Войском. Подготовка ведется, и окончательный расчет с красными палачами приближается. Родина ждет нашей помощи, и мы все должны ее дать [13]

Это были призрачные надежды. Поэтому казачья эмиграция продолжала размеренное существование, прислушиваясь к политическим новостям в Европе.

В конце 1933 – начале 1934 г. А.Г. Шкуро устроился на строительство железной дороги около Белграда. На строительстве работали кубанские, астраханские, терские казаки, которыми руководил Шкуро [14].

Проживая в Югославии, А.Г. Шкуро влился в жизнь кубанской казачьей диаспоры, обрета сносное материальное содержание, участвуя в общественной жизни и присматриваясь к политическим процессам. В июне 1935 г. А.Г. Шкуро, приехав из Приштины, принял с кубанцами участие в поклонении могиле югославского короля Александра I в г. Опленце.

Считая Гражданскую войну (1936 г.) в Испании с самого начала логическим этапом Гражданской войны в России, руководство Русского Общевоинского Союза (РОВС) призывало бывших белогвардейцев прибыть в Испанию и принять участие в войне на стороне фашистских мятежников. Попытки А.Г. Шкуро договориться с генералом Ф. Франко о вступлении в войска русских добровольцев были отклонены: по-видимому, Ф. Франко не считал А.Г. Шкуро достойным собеседником [14. С.31].

В конце 1930-х годов, в преддверии новой мировой войны, А.Г. Шкуро ищет контакты и связи с любыми политическими силами, реакционно настроенными по отношению к советской власти.

В марте 1938 г. А.Г. Шкуро встретился в г. Белграде с А.А. Вонсяцким, председателем Всероссийской национал-революционной партии в США, и пригласил его на банкет с участием 150 казаков – ветеранов Гражданской войны, где А.А. Вонсяцкий выступил с речью, встреченной аплодисментами, и был принят в число почетных кубанских казаков [14. С.31]. А.Г. Шкуро в поисках возможных союзников не ограничивается политическими силами внутри казачьей эмиграции. Его взгляд обращен в сторону набирающих силу националистических политических структур и их приверженцев в 1930-е годы.

Вынужденная эмиграция оказала существенное влияние на трансформацию его личности и идейные убеждения. Оказавшись в мае 1920 г. в эмиграции без профессии и четких перспектив, А.Г. Шкуро двадцать лет перебивался случайными заработками, терпел снисходительную холодность бывших высокопоставленных белых генералов и ненавидел весь советский уклад жизни.

Характеристика А.Г. Шкуро составляется из воспоминаний Гарольда Карловича Графа, в которых он показывает образ и место бывшего белого генерала в среде русской эмиграции к концу 1930-х – началу 1940-х годов. «Это был тип офицеров, сумевших проявлять в Гражданскую войну предприимчивость, инициативу и смелость. К нам пробовали войти в движение некоторые из них, как, например ... Шкуро. Обычно это были люди с большой амбицией, избалованные властью и бесконтрольностью своих действий. Они не могли примириться с тем, что с проигрышем Гражданской войны утратили всякое значение. Поэтому им хотелось возобновления борьбы против коммунизма силой оружия ... Они не верили в значение идеологической борьбы ... они критиковали все методы борьбы, которые не относились к использованию оружия. Если же их спросить, что же они советуют делать, то обычно следовал ответ: дайте нам денег, и мы со своими людьми поднимем восстание внутри Советского Союза и свергнем коммунистический ре-

жим... Использовать этих людей было нельзя для политической работы, так как они в ней плохо разбирались, и она их мало интересовала» [14. С.31].

К началу 1940-х годов стало очевидно, что в среде казачьей эмиграции нет политической силы, обладающей достаточной волей и ресурсами для свержения советской власти в СССР. Единственным возможным вариантом реализации двадцатилетних надежд на продолжение борьбы с коммунизмом являлось обращение к внешнему фактору в лице нацистской Германии.

К началу Второй мировой войны А.Г. Шкуро продолжал жить в Югославии и надеялся, что Германия нападет на СССР и в России будет установлен новый режим. Германия вступила в войну с СССР, но надежды на долгосрочные перспективы нового порядка не оправдались. Жизнь генерала А.Г. Шкуро, после всех взлетов и падений, оборвалась трагически на территории России.

16 января 1947 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила П.Н. Краснова, А.Г. Шкуро, Султан-Гирея, С.Н. Краснова, Т.И. Доманова и Гельмута фон Панныца к смертной казни через повешение. «Шкуро бесстрашно смотрел в лица своих судей, напряженно слушал каждое слово, и только побледневшие пальцы рук, накрепко схватившие доски барьера, выдавали его волнение» [15]

Закончив яркую, насыщенную, трагическую жизнь, генерал-лейтенант А.Г. Шкуро ушел из жизни. Во все времена он оставался врагом советской власти, верным Российской империи [16].

В 1997 г. общественная организация «За Веру и Отечество!» подала запрос на реабилитацию генералов, сотрудничавших с Германией во время Второй мировой войны и казнённых в СССР. 25 декабря 1997 г. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации признала А.Г. Шкуро и других генералов обоснованно осуждёнными и не подлежащими реабилитации. В 1994 г. на территории московского храма Всех Святых была установлена памятная плита «Генералам Российской императорской армии», среди них значится имя Андрея Григорьевича Шкуро. В настоящее время плита разрушена. Между тем, именем А.Г. Шкуро была названа улица в г. Новороссийске. Воспитанникам детского сада № 221 в г. Краснодаре рекламируется деятельность генерал-лейтенанта Андрея Шкуро. «Популярность Шкуро на Кубани набирает обороты Андрей Григорьевич Шкуро становится настоящим народным героем Кубани». С другой стороны авторы, сетуют на печальную участь, постигшую А.Г. Шкуро: «В годы Второй Мировой Войны Шкуро занимался формированием казачьих частей в составе Германской армии. Был предательски выдан англичанами Советской власти, несмотря на то, что был кавалером ордена Бани и находился под защитой английской короны» [17]. Таким образом, даже спустя более полувека отношение к личности генерала А.Г. Шкуро не перестало быть однозначным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003.
2. Кириенко Ю.К. Казачье зарубежье (страны рассеивания, численность, организация) // Казачество в истории России (к 200-летию Екатеринодара – Краснодара и 43-х кубанских станиц): Тезисы докладов Международной научной конференции / Отв. ред. академик П.В. Волобуев. Краснодар, 1993. С. 165.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6899. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 а; Д. 20. Л. 119.

4. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997. С. 21.
5. Государственный архив Краснодарского Края (ГАКК). Ф. Р-1913. Оп.1. Д. 131. Л.1.
6. ГАКК. Ф. Р-1913. Оп.1. Д. 131. Л. 6.
7. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920-1945 гг.). Краснодар, 2013. С. 39.
8. Акция Нансена. Сводка сведений об отношении Советской власти к реэмиграции. // «Родина», № 10, 1990. С. 43.
9. Сидоров В. «Крестная ноша». // Трагедия казачества. В 2-х тт. М., 1996. Т. 2. С. 132.
10. Мациевский Г.О. Политическая жизнь казачества в эмиграции: тенденции и особенности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №3(23), 2013.
11. Стрелянов (Кулабухов) П. Джигитовка казаков по белу свету. М., 2006. . С. 26–27.
12. ГАРФ. Д.5853. Оп.1. Д. 27. Л. 50.
13. Кубанский казак. 1931. № 12 (102).С. 9.
14. Дерябин А.И. Крестный путь казака Андрея Шкуро // Шкуро А.Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 25.
15. Бардадым В. Жизнь генерала Шкуро. Краснодар, 1998. С. 93–94.
16. Подробности выдачи генерала Андрея Григорьевича Шкуро. URL: http://srnfareast.ucoz.ru/publ/podrobnosti_vydachi_generala_andreja_grigorevicha_shkuro/3-1-0-127(дата обращения: 23.03.1.2016).
17. Из генерала СС сделали героя Кубани в краснодарском Детсаду URL: <http://tps://cont.ws/@konstantinov/1043707>

REFERENCES

1. The Russian Cossacks. Scientific reference publication. Moscow, 2003.
2. Kiriyyenko Yu. K. Cossack abroad (countries of dispersion, number, organization). Cossacks in the history of Russia (to the 200th anniversary of Ekaterinodar-Krasnodar and 43 Kuban villages): Abstracts of the international scientific conference / OTV. ed Akademik P. V. Volobuev. Krasnodar, 1993. Pp. 165.
3. State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-6899. Op. 1. D. 18. L. 13 a; D. 20. L. 119.
4. Ratushnyak O. V. don and Kuban Cossacks in exile (1920-1939). Krasnodar, 1997. P. 21.
5. State archive of the Krasnodar Territory (GACC). F. R-1913. Op.1. D. 131. L. 1.
6. GACC. F. R-1913. Op.1. D. 131. L. 6.
7. Ratushnyak O. V. the Cossacks in emigration (1920-1945 gg.). Krasnodar, 2013. P. 39.
8. Nansen's Action. Summary of information about the attitude of the Soviet government to re-emigration. // Rodina, no. 10, 1990. P. 43.
9. Sidorov V. "the burden of the Cross". // Tragedy of the Cossacks. In 2 TT. M., 1996. Vol. 2. P. 132.
10. Matsievsky G. O. Political life of the Cossacks in emigration: trends and features / / Modern research of social problems (electronic scientific journal), №3(23), 2013.
11. Streliaev (Kulabukhov) N. Bravery of the Cossacks in the wide world. Moscow, 2006. . Pp. 26-27.
12. GARF. D. 5853. Op.1. D. 27. L. 50.

13. Kuban Cossack. 1931. No. 12 (102).P. 9.
14. Deryabin A. I. the Way of the cross of the Cossack Andrey Shkuro / / Shkuro A. G. Civil war in Russia: Notes of the white partisan. Moscow, 2004. P. 25.
15. Bardadym V. Life of General Shkuro. Krasnodar, 1998. Pp. 93-94.
16. Details of the extradition of General Andrey Grigoryevich Shkuro. URL: http://srnfareast.ucoz.ru/publ/podrobnosti_vydachi_generala_andreja_grigorevicha_shkuro/3-1-0-127(accessed 23.03.1.2016).
17. Of the SS General made a hero of Kuban in the Krasnodar Kindergarten URL: <http://tps://cont.ws/@konstantinov/1043707>

Информация об авторах: Макаренко Мария Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
e-mail: makarenkom@inbox.ru

Савченко Михаил Александрович, магистр исторических наук Кубанского государственного университета, Кубанский государственный университет г. Краснодар, Россия
e-mail: mikhasavchenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2020
После доработки: 14.02.2020
Принята к публикации: 27.02.2020
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Makarenko Maria Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Kuban State University, Krasnodar, Russia
e-mail: makarenkom@inbox.ru

Savchenko Mikhail A. Kuban State University
Krasnodar, Russia
e-mail: mikhasavchenko@yandex.ru

Received: 28.01.2020
Received after reworking: 14.02.2020
Accepted for publication : 27.02.2020
The authors have read and approved the final manuscript.